

НЕОПОЗИТИВИСТКИЕ ОСНОВАНИЯ ОПРОВЕРЖЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДСКАЗАНИЯ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЯ К. ПОППЕРА

М.В. Гончаренко

Томский политехнический университет

E-mail: markgon73@rambler.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа оснований опровержения и предсказания знания в неопозитивистской концепции К. Поппера.

Цель работы: рассмотрение проблемы неопозитивистских оснований опровержения и предсказания в системе знания К. Поппера в аспекте современных тенденций развития знания; обоснование предположения о том, что утверждение автора концепции фальсификационизма об экзистенциальности формы дедукции и невозможности элиминирования аксиоматической формы, структурирующей систему знания, является неявным признанием наличия априорных факторов.

Методы исследования: компаративистский метод позволяет проводить корректный анализ различных понятий и мифологем в диахроническом срезе; данный подход обеспечивает аргументированное сопоставление принципов конституирования дискурса на различных исторических этапах, которые обусловлены смещением значений понятий и мифологем; феноменологический метод позволяет показать, как и на основании чего «перераспределяются» значения рациональных и иррациональных факторов, что обуславливает конфигурацию того или иного дискурса в конкретном культурно-историческом срезе.

Результаты: сделано предположение о том, что апелляция к метанаучности знания – ни что иное как признание/утверждение сопричастности системы знания статусу иррационального; сформулированы аргументы утверждения о том, что объяснительные теории, указанные К. Поппером, либо не имеют непосредственного отношения к нашим когнитивным возможностям, либо математические структуры, будучи описанием логико-эпистемологического континуума, никак не соотносятся с репрезентируемым данным континуумом объектом.

Ключевые слова:

Знание, основания опровержения, К. Поппер, фальсификация, рациональность, целесообразность.

Введение

С точки зрения истории рассматриваемого нами вопроса концепция фальсификационизма Поппера представляет особый интерес по следующим причинам. *Во-первых*, знание как естественным образом фальсифицируемая система обладает особым статусом в сравнении с другими нарративными системами, и поэтому интерес вызывают те отличительные признаки, посредством которых Попперу удается фальсификация знания без отождествления систем последнего с другими системами. *Во-вторых*, Поппер предлагает весьма оригинальную интерпретацию понятия «рациональность», так как для последнего совершенно не обязательно «дедуктивное развитие». И, *в-третьих*, проблема стандарта, как объективной истины, предопределяет неизбежность ошибки.

Основная часть

Итак, Поппер отмечает, что проблема «вероятности» и проблема «правдоподобности» (теории) – не одно и то же, хотя, безусловно, обе эти проблемы актуальны с точки зрения цели науки. Вероятность как возможность чревата невероятностью: «[д-р Брук–Уовел, п. м. – М.Г.] посоветовал мне не говорить, что наука стремится к невероятности, а просто сказать, что она стремится к максимальному содержанию» [1. С. 364]. Поэтому прогресс науки «как возможность более высокого порядка» и вероятность знания как «отсутствие содержания у высказываний» [1. С. 365] – далеко разошедшиеся направления, по Попперу. В этом случае невозможно отказать в оригинальности вывода: прогресс не может быть ограничен невероятностью (и логической

невероятностью в том числе). Ссылки на Аристотеля и других древнегреческих философов указывают на осознанное желание Поппера обнаружить именно тот аргумент, по отношению к которому как «вероятность», так и «невероятность» и др. будут пребывать в абсолютно равных позициях: «Об этом свидетельствует другой его [Ксенофана – п.м. М.Г.] фрагмент, говорящий о том, что даже если бы нам случайно удалось найти и высказать окончательную истину (т. е. как мы бы могли сказать, абсолютно правдоподобное утверждение) мы бы не могли знать об этом» [1. С. 395].

Таким образом, к вышерассмотренным категориям имеет непосредственное отношение и вопрос о предсказании научной теории и ее проверяемости: возможность/невозможность обуславливают само предсказание (допустимость использования метода предсказания дельфийского оракула [наверное, именно по причине трудности разграничения предсказания – познания метод экспертного прогнозирования посредством организации системы сбора экспертных оценок, их статистической обработки и последовательной корректировки на основе результатов каждого цикла обработки получил название «дельфийский метод»] само по себе уже указывает на неисключительность науки как вида деятельности, так как использование общего критерия говорит об общности возможностей и целей). При этом Поппер не смущается контекстуальным пересечением понятий «прогресс» и «предсказание» (возможно, «предвидение»), вследствие чего паранепротиворечивым образом «совпадают» контексты употреблений данных понятий: «Я утверждаю, что если мы *знаем*, какой должна быть хорошая науч-

ная теория, и даже до её проверки нам известно, какого рода теория будет еще лучше. Это есть то (метанаучное) знание, которое дает нам возможность говорить о прогрессе в науке и о рациональном выборе теорий» [1. С. 362]. Повествование «как нарратив» и научная теория, действительно, структурированы критерием достоверности (в смысле философии позднего Витгенштейна [2]), но с точки зрения неопозитивизма вера в определенное положение вещей и вера в научную теорию (которая описывает, безусловно, тоже определенное положение вещей) не является одним и тем же феноменом, так как рационально-эмпирический уровень обоснования – основополагающий критерий второго, но не первого, и именно поэтому акт предсказания не может быть соотнесен (и отождествлен) с актом познания (как элементом системы знания). *Апелляция к метанаучности знания – ни что иное, как констатация иррациональной составляющей системы знания.*

Также одним из затруднительных моментов на пути позиционирования приоритета *ratio* оказывается проблема реального выявления несоотнесимости постулата и догмы. Необъяснимо выглядит и сам идеал науки как аксиоматизированная дедуктивная система, по Попперу [1. С. 368]. И именно в форме дедуктивной системы «мы вынуждены развивать наши теории» [1. С. 369]. Таким образом, утверждая экзистенциальность формы дедукции и невозможность элиминирования аксиоматической формы, структурирующей систему знания, автор концепции фальсификационизма *неявно* признаёт присутствие априорных факторов. Именно ввиду столь сложной и неоднозначной системы «подтверждения/утверждения опровержения» теории/знания и использования факторов «двойного назначения» Поппер вынужден заменить, собственно, критерий рациональности науки критерием здравого смысла (возможно, целесообразности): «Рациональность науки состоит в рациональном выборе новой теории, а не в дедуктивном развитии теорий» [1. С. 369]. И это возможно по причине использования критерия прогресса, ориентированного в данной системе отсчета исключительно на практику, поэтому именно фактор эмпирической проверки по отношению к *ratio* приобретает приоритетность. Другими словами, противопоставление рациональности и иррациональности усугубляется еще и тем, что интерпретация рационального приобретает, как минимум, неоднозначность, т. е. последняя может быть аргументирована и как целесообразность, что само по себе не исключается и для фактора иррационального. «Вместе с тем почти вся значительная часть исходного знания, которую мы постоянно используем в любом неформальном обсуждении, по практическим основаниям необходимо будет оставаться бесспорной, и ошибочная попытка поставить под вопрос все, т. е. начать с нуля, легко может привести к крушению критических споров» [1. С. 397], – делает заключение Поппер. И даже заключение весьма показательно:

«... утверждается невозможность рационального вне обусловленности (возможно, соположенности) иррациональным.

Апелляция Поппера к Адаму также симптоматична: попытка определить положение Адама как интеллектуальную невозможность осуществления чего-либо в противовес «человеку» (совершившему акт познания), *во-первых*, совершенно необоснована, так как именно Адам совершил первый акт познания в силу наличия свободной воли «экзистенциальности которой фактически отрицается Поппером посредством признания теоретической необходимости дедуктивной формы», а *во-вторых*, учитывая образную природу сравнения, нельзя игнорировать его [*эпистемологическую*] некорректность, так как противопоставление факторов рационального/иррационального само по себе исключает определение приоритетности одного из них на основании возможности утверждения аксиоматической приоритетности одного из этих факторов. Вследствие признания такого положения дел мы автоматически допустили бы и нормативность иррационального «поглощения» *ratio*, с чем категорически не согласен сам Поппер (хотя сам принцип фальсификационизма, по сути, и является следствием постоянно обнаруживаемых «сбоев» рациональных систем). Таким образом, диалектическая природа противоречия «рационального» не может быть исключена для определенных теоретических систем, иначе в противном случае они приобрели бы статус догматических систем, что неприемлемо с позиции фальсификационизма.

Наверное, именно приведенный выше пример парадоксальности «мышления» может в какой-то степени объяснить нам использование Поппером истины научной и соотношение её с истиной метафизической: «Сама идея ошибки и способности ошибаться включает в себя идею объективной истины как стандарта, идея истины является *регулятивной идеей*, истина не является *единственной целью науки*, мы ищем *интересную истину* – истину, которую нелегко получить... Просто истины нам недостаточно, ибо мы, прежде всего, ищем *ответ на наши проблемы*» [1. С. 383]. Итак, мы видим: стандарт истины предопределяет ошибку, поэтому истина естественнонаучная логически невероятна. Поппер фактически предпринимает попытку «узаконить» следующее положение: невзирая на безусловную противоположность рационального/иррационального факторов, мы должны признать возможность бесконечной модификации научной истины, обусловленной прагматикой дискурса, даже если «*интересная истина*» не будет иметь никакого отношения к *ratio*. Таким образом, с одной стороны, научная теория, имеющая обоснования, не является иррациональной, а с другой стороны, научная теория может и не иметь обоснования, и это не лишает последнюю научного статуса. Данное, ничем не скрываемое противоречие с точки зрения концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна [2], конечно, преодолимо, но это

не устраивает самого Поппера, так как все подлежит фальсификации. Действительно, идея истины как возможного правдоподобия не так уж и нова с точки зрения истории философии, но не с точки зрения истории позитивизма. «Истина» как множество наиболее подходящих объяснительных теорий, что утверждает Поппер, не обладает, по определению, наиболее важным позитивистским качеством – рациональностью, и это является противоречием, скрыть которое в пределах позитивистского дискурса невозможно. [Признание же в духе позднего Витгенштейна [2], «здесь играет такая игра», также не представляется возможным, так как основания этой игры «подрывают» основополагающий критерий позитивизма – рациональность; ни по этой ли причине так выглядит и современный западный социально-политический дискурс: демократизация Ближнего Востока (как и других стран) необходима посредством военной кампании, многотысячные жертвы которой объясняются некими техническими сбоями, которые не могут быть истолкованы как недемократические и т. д. по определению].

В этой же связи, упоминая Тарского, Поппер приводит и эволюцию своих взглядов: «В прошлом я иногда сам говорил подобным образом, если мы говорим так ясно, как можем, то нет большого вреда в появляющихся иногда неясностях при выражении наших чувств и интуитивных представлений о вещах. Лишь совсем недавно я задумался над тем, действительно ли используемая нами идея истины столь опасно неопределенна и метафизична. Почти сразу я понял, что это не так и нет никаких особых трудностей в применении к ней фундаментальных результатов Тарского» [1. С. 386]. Из чего следует: все, что угодно приемлемо, если оно по каким-либо причинам востребовано, «истина» же как таковая, в смысле рационального построения «дедуктивной системы», исчезает вовсе – данный критерий остается невостребованным. Рассуждение Поппера по поводу контрпримера для основополагающей аксиомы аксиоматической системы также является показательным: «У нас имеется аксиоматизированная теоретическая система, позволяющая нам предсказать, что определенные события не происходят, и что мы открыли контрпример... этот контрпример удовлетворяет большей части наших аксиом за исключением той, независимость которой обосновывается этим контрпримером» [1. С. 399]. Как видим, проблема реальности и проблема истины когерентны: суппозиция первой «в той или иной традиции» – обязательное условие конвенции в отношении второй.

Предлагаемая Поппером идея эволюционирования теорий (ввиду нормативности их фальсификации), также как и выше приведенное заключение о когерентности реальности и истины, обусловленное «контрпримером», приводит его к утверждению, что любая теория со временем (следовательно, в связи с изменением возможного опыта и формированием новых концептов (знаний и смы-

слов)) «трансформируется» в ряд «неявных определений и соглашений» [1. С. 401]. Но последнее не является основанием признания Поппером вероятностной природы теории «и теоретического» знания, то есть, невзирая на констатацию определенного положения дел, Поппер попросту игнорирует проблему компетенции теории. Конвенция и дефиниция, бесспорно, «обладают» определенным уровнем знания, так как иначе были бы невозможны, и именно их конфигурация и определяет структуру логико-эпистемологического пространства теоретической системы. Другими словами, такого рода «трансформация» теории не может быть представлена как процесс «приобретения новой сущности», в этом и состоит природа Теории как таковой и ее компетенции. Таким образом, Поппер неявно демонстрирует физикалистскую установку, но в отличие от представителей физикализма [3. С. 37] он не занимает позицию антиреализма по отношению к познавательным возможностям.

Рассуждая о структуре мира и универсальных теориях, неопозитивист Поппер обращается к странному, на первый взгляд, противопоставлению: с одной стороны, он утверждает, что математическая структура и универсальная теория *a priori* являются описаниями различных объектов [1. С. 402], а с другой стороны, он констатирует, что мы должны стремиться к объяснительным теориям: «Мы должны делать действительные догадки относительно структуры мира» [1. С. 406]. Следовательно, объяснительные теории либо не имеют непосредственного отношения к нашим когнитивным возможностям, либо математические структуры, будучи описанием логико-эпистемологического континуума, никак не соотносятся с репрезентируемым данным континуумом объектом. По понятным причинам, ни первое, ни второе следствие не может быть удовлетворительным.

Фактически данное смешение, наложение и одновременное противопоставление представленных структур еще раз указывает на попытку объединения объективного мира и коммуникативного пространства, в результате чего фальсификационизм Поппера начинает напоминать следующее положение вещей: «С точки зрения научного реализма, ориентированного на физическую реальность, платонизм будет выражать антиреалистическую установку. Однако если переходить от умеренного (научного) к радикальному реализму, признающему, помимо физического мира существование объективных абстрактных сущностей в мире метафизическом, то платонизм будет охарактеризован как проявление реалистической онтологической позиции» [4. С. 32–33]. Это и является одной из основных причин столь прозрачных «парадоксов» концепции фальсификационизма, и именно поэтому автору данной концепции не нужны идеи «подлинных объяснений»: «Но мне эта идея (идея предсказания – п.м. М.Г.) представляется совершенно необходимой частью этой эпистемологии, которая рассматривает науку как прогрессирующую ко все

более хорошим объяснительным теориям, т. е. создающую не просто хорошие инструменты, но подлинные объяснения» [1. С. 412–413]. Подлинные объяснения наряду с трактовкой аксиоматического знания (природы аксиом) – это далеко не все «контраргументы» автора к концепции фальсификационизма, возможность которых обусловлена утверждением приоритета *ratio* как атрибута знания. Возможно, именно этот атрибут во многом и предопределил вариативность смысла десигната понятия «реальность», если иметь в виду онтологический реализм Платона и реализм физикализма.

Заключение

Итак, в заключение рассматриваемой проблематики фальсификации теорий (утверждений) обратимся к примеру следующего экзистенциального утверждения Поппера: «Существует конечная последовательность латинских двустий такого рода, что если её произнести соответствующим образом в определенное время и в определенном месте, то сразу же после этого появится дьявол, т. е. человекоподобное существо с рогами и копытами» [1. С. 414–415]. Данное экзистенциальное утверждение сам Поппер рассматривает как верифицируемое, но неэмпирическое, так как наделяет его метафизическим (ненаучным) статусом в противовес тем позитивистам, для которых верифицируемость определяет эмпиричность (научность). Что из этого следует и почему позитивист Поппер допускает верифицируемость неэмпирического утверждения?

Во-первых, автор концепции фальсификационизма указывает на то, что данное утверждение – ложное утверждение, фактически подтверждающая это возможностью верификации непроверяемой

(неэмпирической) теории. Оппоненты-позитивисты предлагают не менее «экзотический» вариант рассмотрения данного утверждения как ложного эмпирического утверждения. И, таким образом, мы имеем два разных варианта известного утверждения: как ложное метафизическое утверждение (Поппер), и как ложное эмпирическое утверждение (позитивисты), с которыми не согласен сам Поппер, поскольку: «Эмпирически оно (утверждение – п.м. М.Г.) непроверяемо, никакое реальное наблюдение не способно обосновать его ложности» [1. С. 415], но не существует также и оснований, подтверждающих его истинность. Феномен эмпиризма в данном случае исчезает так же, как и сама возможность верификации неэмпирической теории в концепции антиреалиста У. Куайна [3], который утверждает, что «значение формируется в самом языке еще до обращения к непосредственному чувственному опыту» [3. С. 34]. *Во-вторых*, приведенный нарратив, по каким-то никому неизвестным рационально-эмпирическим принципам, рассматривается позитивистами как эмпирическое (научное) утверждение, при этом они не утруждаются сформулировать хотя бы признаки, осуществляющие демаркацию рационального/иррационального [5].

Таким образом, признавая разницу между эмпирическим и рациональным, Поппер, как и другие позитивисты, не признает смысл и значение «иррациональных» десигнатов на основании отрицания эмпирического характера последних, что не может выглядеть обоснованным, учитывая факт перманентного рационально-эмпирического «жонглерства» в контексте обоснования позитивистского аспекта видения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поппер К. Предположения и опровержения. – М.: Ермак, 2004. – 638 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. II. – С. 78–319.
3. Куайн У.В.О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII. – 321 с.

4. Ладов В.А. Проблема реальности в аналитической философии // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 4 (12). – С. 30–49.
5. Ардашкин И.Б. Онтологические основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 56–63.

Поступила 11.03.2013 г.

UDC 1.16.165.1.165.19

NEOPOSITIVIST GROUNDS OF DENIAL AND OPPORTUNITIES OF PREDICTION IN THE K. POPPER KNOWLEDGE SYSTEM

M.V. Goncharenko

Tomsk Polytechnic University
E-mail: markgon73@rambler.ru

The relevance of the work is caused by the need to analyze the grounds of denial and prediction of knowledge in the K. Popper neopositivist concept.

The objective of the study is to analyze the problem of neopositivist grounds of denial and prediction in the K. Popper knowledge system in the aspect of knowledge development current trends; to justify the assumption that the statement of the falsificationism concept author on existential form of deduction and impossibility of elimination of axiomatic form structuring knowledge system, is an implicit recognition of the presence of a priori factors.

The methods of the research: comparative method allows us to carry out the correct analysis of various concepts and mythologems in diachronic level; this approach provides a reasoned comparison of the discourse constitution principles at different historical stages, which are caused by the shift of meaning of concepts and mythologems; phenomenological method allows us to show the way and the bases of «redistribution» of the meaning of rational and irrational factors that determines the configuration of this or that discourse in a particular cultural and historical level.

The results of the study: The author has made an assumption that appeal to meta-scientific character of knowledge is pure and simple recognition/statement of interconnectedness of knowledge system to the irrational status; and formulated arguments of the statement that the explanatory theories specified by K. Popper neither have a direct relation to our cognitive abilities nor the mathematical structures, being logical-epistemological description of the continuum, in any way correspond to the represented given continuum object.

Key words:

Knowledge, foundation of refutation, K. Popper, falsification, rationality, expediency.

REFERENCES

1. Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya* [Conjectures and refutations]. Moscow, Ermak, 2004. 638 p.
2. Vitgenshteyn L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical studies]. Moscow, Gnozis, 1994. P. II, pp. 78–319.
3. Kuayn U.V.O. Slovo i obekt. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. [The word and the object. New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1986. Iss. XVIII, 321 p.
4. Ladov V.A. Problema realnosti v analiticheskoy filisofii [The problem of a reality in analytic philosophy]. *Vestnik TGU*, 2010, no. 4 (12), p. 30–49.
5. Ardashkin I.B. Ontologicheskie osnovaniya problemno-orientirovannykh issledovaniy [Ontological foundation of the problem-oriented research]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 320, no. 6, pp. 56–63.